
АЛИСА СИНЦОВА
ЛЮБОВЬ НА ЗАКВАСКЕ
Кисельные берега
18+

Алиса Синцова

Кисельные берега

«Автор»
2026

Синцова А.

Кисельные берега / А. Синцова — «Автор», 2026

После двух разводов Лена наконец встретила мужчину, с которым хочется строить планы. Большие, нескромные — на целую жизнь.Только взрослая дочь Дмитрия уверена, что Лена здесь лишняя. Сам он о прошлом молчит, а разговоры о будущем откладывает. На новой работе тоже не получается быть просто любимой женщиной: сыр должен удаваться независимо от того, кто тебя целует после смены.И как назло, бывший муж приглашает их на свою свадьбу. У него, оказывается, всё уже решено.Лена не собиралась сравнивать. Не собиралась ревновать. И уж точно не собиралась снова гадать, что мужчина имел в виду.Но как сказать «я хочу с тобой семью», если в ответ можно услышать: «Тебе замуж хочется или за меня?»

© Синцова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 18
Глава 5 21
Глава 6 24
Глава 7 28
Глава 8 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Алиса Синцова
Кисельные берега

Алиса Синцова
Серия «Любовь на закваске»
Кисельные берега
Книга вторая
18+

Глава 1

— А ты уже сказала своей дочери, что переезжаешь к моему отцу?

Лена всё ещё держала полотенце, которое Дмитрий сунул ей перед тем, как открыть дверь. Он обнимал высокую рыжую девушку, а Лена стояла рядом и пыталась понять, что ответить. Она представляла их знакомство иначе: думала, сначала созвонятся по видео, поговорят, а к личной встрече успеют хоть немного привыкнуть друг к другу.

Отнести бы полотенце в ванную и хоть минуту побыть одной. Но Варя ждала ответа. Притвориться, что не расслышала вопроса, и уйти Лена не решилась.

— Варя, мы даже куртку с тебя не сняли, — сказал Дмитрий.

— Я сниму. Просто спросила.

Варя не улыбалась. Вблизи были видны веснушки на переносице, которых Лена не заметила на фотографии. Лет двадцать, а смотрит так, что невольно выпрямляешься.

— Мы пока ничего не решили, — ответила Лена. — И с Аней я сначала поговорю сама.

— Аня — это дочь?

— Да.

Дмитрий взял чемодан. Колесо зацепилось за порог, и он дёрнул ручку сильнее, чем требовалось.

— Давайте всё-таки войдём.

Варя расстегнула куртку, вытащила из-под воротника длинные волосы. На ней был широкий серый свитер, узкие чёрные брюки и тяжёлые ботинки. К стене она осторожно прислонила большую плоскую сумку. С чемоданом так не церемонилась.

— Эскизы, — объяснила Варя, заметив, куда смотрит Лена. — Не стала в багаж сдавать, побоялась, что помнут.

— Ты же во вторник собиралась, — сказал Дмитрий.

— В мастерской встречу перенесли. Я утром написала.

— Я видел сообщение. Ты про согласование писала.

Варя нашла в переписке своё утреннее сообщение и поднесла телефон к отцу.

— Вот. «Прилечу вечером».

Выше были длинные сообщения, какой-то файл и голосовое. Лена вспомнила, как сама однажды читала с конца Анину переписку о потерянной сменке и никак не могла понять, что произошло. Дмитрий потянулся за телефоном, но Варя не отдала, только придвинула экран ближе.

— Пропустил, — признал он. — Прости. Доехала нормально?

— Да. И ключи у меня есть. Я бы всё равно вошла.

В ванной Лена повесила полотенце и посмотрела в зеркало. Волосы на затылке примялись — ещё недавно Дмитрий обнимал её, запустив в них пальцы. Она попыталась поправить причёску. Щёки горели, а теперь надо было выйти к его дочери и как ни в чём не бывало разговаривать.

Когда Лена вернулась, Варя уже была на кухне.

— Вы поели? Я в самолёте отказалась, думала, дома что-нибудь есть.

— Сейчас разогрею, — сказал Дмитрий.

Дмитрий освободил стул для дочери, а Ленину сумку поставил у двери. Ещё недавно они собирались провести вечер вдвоём. Теперь он разогревал ужин приехавшей дочери, а Лена стояла у выхода, словно задержавшаяся гостья.

— Я, наверное, поеду, — сказала она.

Дмитрий обернулся от плиты.

— Почему? Посиди с нами.

— Не хочу мешать. Вы давно не виделись.

— Ты не мешаешь.

Варя без вопросов достала минеральную воду, потянулась за стаканом на верхнюю полку, и Лена вспомнила, как в первый приезд спрашивала здесь про каждую вещь. Искать себе второй стакан, открывая один шкафчик за другим под Вариным взглядом, ей не хотелось.

— Я на шесть недель, — сообщила Варя, садясь за стол. — Мне согласовали практику. Потом обратно: в январе у нас просмотр. Здесь сделаю замеры, подготовлю образцы, покажу в мастерской. А эскизы можно и из Испании править.

— А жить будешь здесь? — спросил Дмитрий.

Варя медленно поставила бутылку.

— Мы же так и договорились.

— Я имею в виду, все шесть недель?

— Если меня не выселят.

Она улыбнулась. Шутка прозвучала достаточно легко, чтобы на неё нельзя было обидеться всерьёз.

Лена села на край свободного стула.

— Ты мозаикой занимаешься?

— Да. Сейчас панно для частного интерьера. Пока небольшое.

— Небольшое — это сколько?

— Почти три метра.

— У меня всё, что больше разделочной доски, уже большое.

Варя коротко засмеялась и вдруг стала похожа на обычную двадцатилетнюю девушку, которой приятно, что её работу не назвали милым увлечением.

— Там не надо сразу три метра собирать. По частям.

Она вытащила из сумки плотный конверт с фотографиями. Дмитрий поставил перед ней тарелку, отодвинул стакан, чтобы не залить снимки.

На одном снимке была стена с аркой, на другом — коробочки с кусочками камня и стекла, из которых Варя собирала мозаику. Лена переводила взгляд с коробочек на фотографию готового фрагмента. Из этих мелких осколков получалась вода: серая у берега, дальше синяя, будто сквозь неё пробивался свет. Она поднесла снимок ближе, разглядывая стыки.

— А это не будет слишком темно? — спросил Дмитрий.

— Папа.

— Я просто спросил.

— Ты каждый раз спрашиваешь. Это тень. Если везде светло, ничего не видно.

Дмитрий больше ничего не спросил. Лена улыбнулась, вспомнив, как однажды он разглядывал букет снизу: проверял, не течёт ли вода. Варя знала его привычки гораздо лучше. И могла вот так ответить, одним словом, не боясь его обидеть.

Заметив, что Лена улыбается, Варя убрала фотографии.

— А вы чем занимаетесь?

Вопрос прозвучал вежливо, но после этого «вы» Лена едва не представилась по имени и отчеству.

— Пока юрисконсульт в соцзащите. Через месяц перехожу к вам на производство.

— К нам?

— На производство отца, — уточнила Лена. — Буду работать с Ириной Сергеевной.

— Лена сыр придумала, — сказал Дмитрий. — Мы тебе рассказывали.

— Ты рассказывал про выставку.

Варя взглянула на оставшийся на доске кусок сыра. Лена принесла его к ужину, хотя Дмитрий сказал, что дома еды достаточно.

— Этот?

— Другой образец, — ответила Лена. — Здесь я соль меняла.

Девушка попробовала сыр, прожевала и посмотрела на срез.

— Вкусно.

Лена чуть не поблагодарила, как будто девушка похвалила её саму. Вместо ответа отрезала ещё кусочек, хотя за ужином наелась.

Дмитрий расспрашивал о дороге и пересадке, о том, как добралась с багажом. Варя отвечала, потом заговорила о соседке, которая по ночам красит рамы, и о преподавателе: тот мог десять минут разглядывать студенческую работу, не произнеся ни слова. Говорила она быстро, порой останавливалась, подбирая слово. Дмитрий слушал, не перебивая, — словно боялся упустить хоть что-нибудь из того, чем дочь жила без него.

Аня была с Кириллом, мама встречалась с Ильиничной. Дома Лена могла бы почитать и впервые за неделю лечь вовремя. Всё-таки она осталась за столом, сердясь на собственное упрямство, — не хотелось, чтобы эти двое облегчённо переглянулись, едва за ней закроется дверь.

— Я завтра заеду на склад, потом свободен. Можем пообедать вместе.

— Завтра у меня замеры, я же написала. И ещё в мастерскую надо. Вечером можно.

— Тогда вечером.

Варя отодвинула тарелку.

— Можно я пока займу вторую комнату? Мне материалы надо разложить.

— Конечно. Только стол надо освободить, там папки.

— Я сама. А жить вы где собираетесь?

Дмитрий поднял голову.

— Мы пока обсуждаем.

— Здесь? Или в доме?

Дмитрий положил ладонь Лене на колено, и она напряглась. Это он её успокаивает или просит молчать при дочери?

— Не сейчас, Варя, — сказал он. — Ты только приехала.

— Я потому и спрашиваю. Мне же надо где-то разложить материалы.

— Твоя комната остаётся твоей.

— Я не про свою.

Варя посмотрела на Лену. Та убрала ногу, встала и взяла со стола пустые тарелки.

— Давайте я освобожу место.

— Оставь, — сказал Дмитрий. — Я уберу.

В нижней корзине открытой посудомойки стояла большая сковорода, из-за которой не помещались тарелки. Лена взялась переставлять её и вдруг разозлилась. Пришла на свидание, ей дали понять, что она здесь лишняя, а она ещё и посуду за ними убирает.

Варя поднялась следом.

— Я помогу.

Они остались возле раковины вдвоём, пока Дмитрий относил чемодан в комнату. Девушка ополоснула стакан, поставила на сушилку.

— Вы ведь знаете, что папа иногда обещает больше, чем может сделать?

Лена закрыла дверцу посудомойки.

— Мне Андрей тоже много обещал.

— Кто такой Андрей?

— Мой бывший муж.

Варя промолчала. Лена едва не принялась рассказывать про Андрея, объяснять, почему они развелись. Только бы не стоять перед ней с мокрыми руками и не ждать, что девушка скажет ещё.

— Мы с твоим отцом сами разберёмся, — сказала она.

— Просто в нашем доме раньше уже жила семья.

Глава 2

— Я заметила, — сказала Лена.

То есть её просят уйти? Лена и сама собиралась домой. Но теперь, если уйдёт, получится, что послушалась девочки, которая только что решила, кому здесь место.

— Мама здесь всё выбирала. Даже эти чашки.

Лена вспомнила чашку с синим ободком. Она как-то пила из неё кофе, оставила на краю помаду; Дмитрий потом долго её отмывал, а в следующий приезд снова поставил перед Леной эту чашку. Теперь Лена невольно стала искать её среди остальных. Хотелось взять в руки, хотя что она собиралась этим доказать?

— Я ничего не собираюсь выбрасывать.

— Папа не любит, когда здесь что-то меняют.

Варя говорила тихо, с той знакомой по работе вежливостью, после которой люди обычно начинали оправдываться, хотя никто ещё ни в чём их не обвинил.

— Тогда давай остановимся на том, что мы познакомились.

— Вы очень на неё не похожи.

Лена встретилась с ней взглядом. Девушка одёрнула рукав, словно поняла, что сказала лишнее, но отступать не захотела.

— Я не только внешность имею в виду.

Спасибо, что уточнила. Рядом с высокой Варей Лена вдруг почувствовала себя маленькой и нескладной. Даже платье, которое ещё недавно ей так нравилось, теперь будто обтягивало сильнее, чем нужно.

— Варя, я твою маму не знала. Сравнивать нас не могу.

— Я тоже не сравниваю.

— Сейчас ты именно это и делаешь.

Из комнаты донёсся голос Дмитрия, отвечавшего на звонок. На работе Лена сумела бы закончить эту беседу, вежливо и окончательно, а здесь стояла в чужой кухне и ждала одобрения двадцатилетней девушки. От этого хотелось сказать что-нибудь грубое. Например, спросить, сама ли Варя будет выбирать отцу женщину.

— У вас ведь своя семья, — сказала Варя. — Дочь, мама. Вы же не одна.

— Да, не одна.

— Вот. А папа привык к другому. Ему нужно, чтобы дома было спокойно.

У Кирилла во время вчерашнего звонка за спиной грохнулась гитара. Андрей однажды завалил кухню тридцатью банками мёда, купленными почти даром. Рядом с Дмитрием сюрпризов было меньше, и Лене это нравилось. Но совсем уж тишины и покоя он от неё вроде бы не требовал.

— Я работаю, у меня есть где жить, — начала она и остановилась. — Послушай. Я сейчас перечисляю тебе своё имущество, как будто пришла просить комнату. Мы с твоим отцом встречаемся. Я ему нравлюсь, он мне тоже. Остальное мы обсудим сами.

На Вариных щеках проступили пятна.

— Я не про комнату.

— А про что?

— Просто после Пашки папа…

Она замолчала. Лена подождала, но продолжения не было.

— После кого?

Девушка несколько секунд смотрела на неё, затем перевела взгляд за её плечо.

Дмитрий стоял в дверях с телефоном в руке.

— Ты ей рассказал? — спросила Варя.

Ещё минуту назад Дмитрий предлагал дочери поужинать и просил Лену остаться. Теперь смотрел то на одну, то на другую. Кто такой Пашка? И чего они оба ждут от неё?

— Лена, у меня был сын, — сказал он. — Павел. Он погиб с женой.

Лена знала об аварии и о том, что Дмитрий потерял жену. Сам он почти не говорил об этом. Но сына ни разу не упомянул.

— Я не знала.

— Да.

Лена посмотрела на Варю. Что теперь говорить девушке, только что вспомнившей погибшего брата? Ещё минуту назад они спорили о чашках. Дмитрий тоже молчал, будто ждал от Лены каких-то слов. А она могла спросить только одно:

— Ты мог сказать.

— Мог.

— Я не стала бы…

Ещё немного — и она пообещала бы не расспрашивать. Как будто сама виновата, что услышала. Про Аню она рассказывала ему всё подряд, смешное, трудное, постыдное, а о его сыне узнала от Вари.

— Мама была совсем другая, — произнесла Варя, всё ещё глядя в окно. — И с ней он был другой.

— Я не могу сделать твоего отца таким, каким он был с мамой, — ответила Лена. — И не собираюсь.

Девушка обернулась.

— Я вас не прошу.

— Тогда зачем ты мне это говоришь?

— Лена, давай не сейчас, — вмешался Дмитрий.

Варя замолчала, и Лена с досадой поняла: теперь это она не умеет вовремя остановиться. Не Варя, которая всё начала.

— Хорошо, — сказала она. — Не сейчас.

В прихожей Лена надела пальто. Пока застёгивалась, думала только о том, чтобы поскорее выйти из этой квартиры. Последнюю пуговицу пропустила, перекинула сумку через плечо и снова за неё взялась.

Дмитрий вышел следом.

— Я отвезу.

— Я вызвала такси.

Она ещё не вызвала, и пришлось достать телефон, чтобы ложь не стала совсем уж глупой.

— Подожди минуту.

— Зачем? Чтобы я успокоилась и мы решили, что всё нормально?

Ей стало стыдно за резкость, и от этого Лена разозлилась ещё больше. Откуда ей было знать, что за мальчик и почему о нём молчат? Теперь стояла перед Дмитрием и искала слова, которыми не сделает ему больно, хотя ей самой никто ничего не объяснил.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Знаю.

— Позволь хотя бы проводить.

Она согласилась. В лифте он стоял рядом, не касаясь её. Ещё час назад его ладонь лежала у неё на животе, пока она смеялась и пыталась повернуться с полотенцем в руках. Она стояла рядом и думала, как мало о нём знает.

Возле подъезда Дмитрий придержал её за локоть, помогая обойти лужу. Лена автоматически оперлась на него и сразу убрала руку.

— Позвоню, — сказал он.

— Завтра.

В такси было холодно. Водитель предложил прибавить обогрев, и Лена поблагодарила его с такой горячностью, что он удивлённо посмотрел в зеркало. Пока выбирались со двора, смотрела перед собой. Если обернуться и увидеть Дмитрия, придётся попросить остановить машину. С неё станется вернуться, пока он ещё не успел понять, что она ушла всерьёз.

На развязке машина встала. В сообщении мама спрашивала, покупать ли хлеб.

«Купи. Я еду домой».

Мама ответила «Хорошо». Не спросила, почему так рано. Лена положила телефон на колени. Как же хорошо, что можно просто приехать домой, ничего не объясняя.

* * *

Аня сидела на полу перед диваном, разложив листы с каким-то школьным проектом. На одном крупно было написано «ВОДА». Нина Петровна стояла у шкафа в прихожей и пыталась одновременно снять серьгу и удержать телефон плечом.

— Ильинична, я тебе завтра перезвоню. Нет, не случилось. Леночка пришла.

Мать закончила разговор, обняла её одной рукой, и Лена прижалась щекой к холодному шарфу, пахнувшему знакомыми пудровыми духами. Так и постояла, пока мама не попросила помочь со второй серьгой.

— Замёрзла?

— В машине нет. До этого немного.

— У нас суп есть. Только со сметаной Аня уже поэкспериментировала, учти.

— Я положила правильную, — отозвалась дочь. — Просто её было мало.

Нина Петровна закатила глаза, и Лена неожиданно рассмеялась. Не весело, но достаточно, чтобы стало легче снять пальто.

Аня подняла со стула пакет.

— Папа передал. Сказал, это вашей матери.

— Мне или бабушке?

— Вот я тоже не поняла.

В пакете был один манго, красивый, твёрдый, величиной с небольшую дыню. На кухонной полке для него не нашлось места. В холодильник Аня тоже не велела убирать: папа сказал, пусть сначала дозреет. Лена повертела его и спросила, долго ли ждать, но дочь пожала плечами.

— Он про поездку сказал? — спросила Лена.

— Сказал, что посмотрит даты. И что у него был ретрит, где вообще нет времени.

— На ретрите или в принципе?

— В принципе, кажется.

Аня снова склонилась над ватманом. Лена прошла на кухню. Мать поставила тарелку, подвинула хлеб, но сама садиться не стала.

— Я в душ. Если захочешь рассказать, подожди меня.

— Варя приехала.

Нина Петровна задержалась в дверях.

— Познакомились?

— Да.

— Подожду с душем?

— Иди, мам. Я пока поем.

Рассказывать всё по порядку сейчас не хотелось. Из комнаты доносилось Анино ворчание над ватманом, и Лена слушала его, пока мама собиралась в душ.

Она поела, отнесла пакет с манго на подоконник. На телефоне было сообщение Дмитрия: он спрашивал, добралась ли она. Лена ответила и увидела, как наверху появилось «печатает». Потом исчезло. Появилось снова.

Вместо сообщения он позвонил.

Лена отошла в свою комнату и прикрыла дверь, оставив полоску света из коридора.

— Ты просила завтра, — сказал он. — Я помню. Только одно скажу сейчас, ладно?

— Скажи.

— Паше было шесть.

Лена молчала, слушая, как он дышит.

— У тебя Аня. Я думал: расскажу, и ты начнёшь бояться. Каждый раз, когда будете садиться ко мне в машину.

Он остановился, и она услышала в трубке звук отодвинутого стула.

— Дима, — сказала Лена. — Я сейчас боюсь совсем другого.

Глава 3

Женщина с красной папкой заняла стул напротив Лениного кабинета и явно приготовилась ждать. До начала понедельничного приёма оставалось полчаса, а Лена ещё только разматывала шарф. Кофе, похоже, опять придётся пить холодным.

— Я только спросить, — предупредила женщина, едва дверь открылась.

Через сорок минут на столе лежали три заявления и копия доверенности. На экране телефона женщина показывала фотографию квитанции. Женщина собиралась уйти ещё дважды, всякий раз вспоминая новое обстоятельство.

— Вы мне скажите, как правильно. Я уже не знаю.

Лена повернула к ней лист, на котором записала порядок действий.

— Начните вот с этого. Остальное пока не трогайте.

Женщина дочитала листок и аккуратно убрала его в папку.

— А в следующем месяце вы меня примете?

Впервые за утро Лена замялась.

— Я перехожу на другую работу. Ваши документы останутся здесь, я всё передам коллеге.

— А вы ей объясните?

— Объясню.

Перед уходом надо было оставить копии ещё не отправленных ответов, записать нужные телефоны и объяснить, откуда в документах взялись разные суммы с одной датой. Начав с пояснения, Лена задержалась на знакомой фамилии и вернулась проверить приложенные документы. Её замена могла не знать, сколько раз эта женщина приходила с одними и теми же квитанциями.

Светлана Викторовна принесла из соседнего кабинета чашку.

— Тебе долить? У нас свежий.

— Спасибо.

— Говорят, на твоё место уже смотрят женщину. Из района.

Свою замену она ждала с нетерпением и всё-таки обиделась на то, как быстро её нашли. Светлана Викторовна ещё вчера спрашивала, окончательно ли она решила уйти.

— Хорошо, — сказала она.

— Ты ей нижний ящик покажи. А то будет думать, что сломала.

— Он и правда сломан.

— Вот именно. Человек должен знать, что до него тоже жили.

Сломанный ящик так и остался открыт. К одиннадцати субботний разговор казался давним, а на сегодня требовались согласованный ответ, пропавшее приложение к письму и документ из общей папки, которого, по словам коллег, никто не трогал.

Предложение Ирины Сергеевны уточнить в обед первую рабочую неделю пришлось поставить в напоминание на час, пока за дверью ждали посетители. Пояснение к суммам ещё не было закончено, и, пригласив следующего, Лена придвинула к себе нужные листы.

В час она вышла во двор с контейнером и вилкой, потому что найти пустую комнату в обед оказалось сложнее, чем перейти в другую профессию. На скамейке прилип мокрый лист; ветер то приподнимал его край, то снова прижимал к доскам. Лена устроилась под козырьком и набрала номер.

— Когда у вас последний рабочий день? — спросила Ирина Сергеевна.

Лена назвала дату.

— Хорошо. Значит, в понедельник начинаем. Медосмотр пройдёте по списку, вам пришлют. По одежде тоже. И мне бы вашу тетрадь целиком, не отдельными фотографиями.

— Принесу.

— Вы её лучше пока не переписывайте красиво. Сначала посмотрим, где чего нет.

В контейнере с гречкой лежала половина котлеты. Вторую Аня утром отрезала себе: целую перед физкультурой есть не захотела. На вопрос об отработке рецептуры пришлось отвечать, торопливо дожёвывая, и Лена отложила вилку.

— Я хочу понимать, что мы должны получить к концу первых месяцев, — сказала Лена. — Чтобы не вышло, что я хожу, пробую и радуюсь.

— Ходить и пробовать тоже придётся.

— Это я готова.

— Надо добиться, чтобы мы узнавали ваш сыр не по надписи на контейнере. Одинаковые условия, несколько повторов. Потом думать о покупателях.

Лена записала на обороте старого конверта: «несколько повторов».

— А если у меня не получится?

Ирина Сергеевна не стала уверять, что получится обязательно.

— Тогда разберёмся, что именно не получается. Вы же не одна у ванны стоять будете.

Лена спросила о графике, производственной площадке и дороге. До остановки служебного автобуса из Химок можно было доехать напрямую. Вставать предстояло раньше, зато ездить она сможет сама, не спрашивая, когда освободится Дмитрий.

— И ещё, — добавила она. — У моей подруги кафе. Ей понравился образец. Можно потом обсудить маленькую пробу для меню?

— Можно. Только сначала маленькая проба у нас. Подругу пока не радуйте датами.

Лена пообещала пока ничего подруге не говорить.

Вернувшись, она обнаружила сообщение Ани: для школьной поездки требовалось согласие родителей и деньги до пятницы. Следом пришла фотография объявления, на которой нижняя половина текста не поместилась в кадр.

«А нижнюю часть?» — спросила Лена.

«Там ничего».

Через минуту выяснилось, что в нижней части как раз находились стоимость и время отъезда.

Она переслала Кириллу полный лист. Тот ответил почти сразу: «Мать, беру финансовую составляющую. Где подпись ставить?»

Кирилл мог сразу перевести деньги, а потом внезапно улететь, забыв, что обещал забрать дочь. Лена написала, когда нужно заплатить и во сколько приехать за Аней в пятницу. По опыту следовало бы напомнить в четверг, но Лена всё ещё сердилась на него и решила, что в этот раз звонить первой не будет.

Дмитрий позвонил, когда в кабинете проверяли список входящих. Лена вышла в коридор.

— Как ты? — спросил он.

— На работе.

— Я понял. Голос усталый.

— У нас понедельник.

— Мы вчера толком не поговорили.

В воскресенье он звонил дважды. Сначала Варю срочно вызвали в мастерскую, потом Лена собирала Ане форму и пыталась понять, почему белая футболка стала серой только с одной стороны. Вечером поговорили совсем недолго. Объяснять по телефону, на что она обиделась, Лена не хотела.

— Когда ты освободишься? — спросил Дмитрий. — Могу заехать.

Лена едва не сказала «заезжай», но вспомнила: мама собиралась в театр.

— Сегодня не получится. Мама с Ильиничной в театр, мне надо быть дома к семи.

— Я могу и к вам.

— При Ане я не хочу это обсуждать.

— Мы же можем просто увидеться.

Лена отошла от двери, за которой кто-то включил принтер.

— Дим, ты говоришь так, будто я уехала, а теперь всё прошло. Я до сих пор злюсь.

— Из-за Вари?

— Из-за того, что ты услышал конец разговора и остановил меня. Я не повышала голос. Не оскорбляла её. А ты сразу решил, что надо остановить именно меня.

— Я хотел, чтобы вы обе перестали.

— Но сказал мне.

За дверью кабинета Светлана Викторовна помахала какой-то бумагой. Лена показала, что сейчас вернётся.

— Мне надо идти, — сказала она. — Давай в пятницу. Я попрошу маму побыть дома.

— Не надо просить из-за меня. Я приеду к вам, потом выйдем.

— Пятница подходит?

— Да.

Дмитрий помолчал. Лене показалось, он хочет ещё что-то сказать. Из кабинета позвали повторно, и Лена извинилась.

* * *

Нина Петровна примеряла перед зеркалом два платка, с крупными цветами и почти однотонный тёмно-синий. Под прихожей лампой блестели её платиновые волосы. Она спрашивала совета, хотя всякий раз дольше задерживалась перед зеркалом в синем.

— Какой? — спросила мать.

— Синий.

— Я тоже так думаю. Ильинична говорит, цветы моложе.

— Платок или тебя?

— Вот и я у неё спросила.

Они засмеялись. Аня высунулась из комнаты и велела бабушке сфотографировать люстру, если она красивая. Для школьного проекта пригодится.

— У вас вода, — напомнила Лена.

— Так свет отражается. Ты не понимаешь, это оформление.

За дверью ещё держался запах маминых духов. Лена вспомнила, как предложила цветастый платок, а мать всё-таки выбрала синий. И с Ильиничной они помирились без её участия, и в театр успели собраться. Мама редко рассказывала о своих ссорах, пока они продолжались.

За ужином Аня сообщила, что на поездку едут почти все, кроме мальчика, который считает экскурсии «переоценёнными».

— А ты как считаешь?

— Я считаю, ему просто автобус не нравится. Его укачивает.

Сообщение Дмитрия о свободной пятнице осталось без ответа: Аня как раз объясняла, кого нельзя сажать рядом в автобусе. Слушать дочь было проще, чем решать, как ответить Дмитрию. Написать ласково — он подумает, что она больше не сердится. Сухо подтвердить — решит, что она нарочно тянет с примирением.

Позже, проверяя согласие на поездку, Лена увидела две строки: подпись матери, подпись отца. Обычно вторую она оставляла пустой.

На этот раз обвела её карандашом и написала Кириллу, во сколько завтра будет дома.

* * *

Во вторник Кирилл приехал подписывать согласие. Привёз деньги за поездку, пакет мандаринов и книгу, которую Аня не просила, но он был уверен, что ей нужна.

— Про искусство, — объяснил он. — Там картинки хорошие. Текст можно потом.

Аня открыла на середине и сразу стала листать быстрее. Кирилл сел рядом, показал деталь на одной странице, потом на другой. Лена слушала из кухни, пока разбирала покупки, и узнавала голос человека, в которого когда-то влюбилась. Он мог заговорить о старом доме так, что Лена забывала: они опять опаздывают на лекцию. Пока он показывал ей лепнину над окном, она была готова пропустить и следующую.

Тогда она думала: с ним скучно не будет. Скучно и правда не было. Иногда ей очень хотелось, чтобы стало.

— Вот это мне пригодится, — сказала Аня. — Только я не буду так же. Я своё сделаю.

— Конечно, — ответил Кирилл. — Подсмотреть, как человек решает, не значит украсть решение.

— Мать, у нас растёт взыскательный художник.

— У нас растёт человек, которому завтра к первому уроку. Подпись поставь, пожалуйста.

На этот раз Кирилл дочитал согласие до конца, уточнил, кто сопровождает группу, и сам записал время возвращения. Вместо привычной шутки о бессмысленных бумагах переспросил, куда подъехать за дочерью, и взял ручку.

— Ты точно будешь в Москве?

— Буду. Я уже сказал.

Он просил её ещё раз ничего не проверять. В расписании и правда всё совпадало, только за столько лет без него Кирилл ни разу не счёл себя виноватым за опоздание. Лена сложила подписанный лист, готовясь в пятницу всё-таки быть на связи.

Кирилл помог Ане выбрать две иллюстрации, затем поднялся уходить. В прихожей сказал Лене тише:

— Если что-то поменяется, предупрежу сам.

— До того, как Аня наденет куртку, пожалуйста.

— Мать, я приеду.

— Ей скажи.

Вместо обычного объятия с намёком на былую близость Кирилл позвал Аню и попросил быть на связи в пятницу после школы. Дочь принялась уточнять, где они потом поужинают.

Когда он ушёл, Аня спрятала подписанное согласие в школьную папку.

— А бабушка не обидится? Если мы с папой в городе поедим?

— Предупредим её.

Пятничный вечер вдруг оказался свободным. Лена не стала при дочери брать телефон, хотя уже представляла, как Дмитрий встретит её у двери, и надеялась, что он не предложит сначала поужинать.

Глава 4

Жанна встретила её с рулоном чековой ленты в зубах.

— Садись, — сказала она, вынув рулон. — Только не туда. Там шатается.

Лена как раз собралась сесть на этот стул.

— Стол или стул?

— Я. Но стол тоже.

В кафе пахло кофе и жареным луком. За дальним столиком двое мужчин смотрели в один ноутбук, у окна женщина кормила маленькую девочку кусочками сырника, а выглянувший из кухни повар вопросительно поднял ладони. Жанна ответила тем же, только выразительнее.

— Пятнадцать минут, — сказала она Лене. — Девочка на кассе заболела, вторая должна приехать. Если не приедет, мы с тобой тут и состаримся.

За день блузка измялась, будто Лена носила её в сумке, а не на себе. Она сняла пальто и постаралась не заглядываться на Жаннины серьги. Даже в чёрной футболке с передником Жанна казалась нарядной, с длинными волосами цвета вороньего крыла и красной помадой. Под глазами, впрочем, темнели круги.

— Ты спала? — спросила Лена.

— В понедельник.

— Сегодня среда.

— Значит, недавно.

Она поставила перед Леной воду, принесла себе кофе и села боком к залу, чтобы видеть вход.

— Рассказывай.

Лена начала с приезда Вари. Пока она рассказывала о первом вопросе девушки, Жанна успела объяснить поставщику, где разгружать коробки, и одними губами попросить повара подождать. Про чашки дослушала не отвлекаясь.

— Ленка, ты ещё справку о доходах принеси. Чего ей объяснять, что у тебя есть жильё?

— Я сама поняла, как это звучит.

— Вот и хорошо. Значит, не окончательно пропала.

Из кухни позвали. Жанна поднялась, выслушала повара, открыла дверь в подсобку и вернулась с упаковкой одноразовых перчаток.

— У неё мать умерла, — сказала Лена, когда подруга снова села. — И брат. У Димы сын был, я только в субботу узнала.

Жанна перестала крутить в руках ложку.

— Сын?

— Шесть лет.

Несколько секунд они молчали. У окна девочка уронила ложку и громко объявила, что есть больше не будет. Мать спокойно достала другую ложку из сумки. Лена отвела взгляд.

Жанна подвинула кофе и приготовилась слушать дальше.

— Ей тяжело, я поняла. Только ты ей не тётка и в мамы не набиваешься.

— А я стояла и думала: скажу что-нибудь резкое — сцепилась с девочкой. Промолчу — потом самой противно.

— Так и что, ждать теперь, когда она тебе разрешит с её папой встречаться?

Посетительница у окна попросила счёт, и Жанна подошла к её столу. Там девочка оттолкнула сырник и потянулась за ложкой, лежавшей возле края. Жанна подхватила её, сложила салфетку домиком и что-то сказала ребёнку. Пока та заглядывала внутрь, мать достала кошелёк.

— Ты умеешь с детьми, — заметила Лена.

— Особенно с чужими, которых через час уведут. Так. Мы где остановились?

Когда Лена рассказала, как Дмитрий оборвал её при Варе, Жанна отодвинула кофе и устроилась на стуле поудобнее. Лена торопливо добавила, что в пятницу он приедет. Тогда поговорят.

— Хорошо, — сказала подруга. — Только не вздумай готовить на шесть человек.

— На четверых.

— Уже готовишь?

— Жанна, человек приедет после работы. Мы тоже есть будем.

— Ладно. Только не надо изображать семью, в которой никто не сердится, потому что котлеты уже готовы.

Она вдруг провела ладонью по волосам, вытянула их перед собой.

— Скоро буду как престарелая русалка. Ещё чуть-чуть, и волосы можно вместо передника подвязывать.

— Обрежь.

— А мне что оставить? Хоть волосы роскошные, раз остальное не выспалось.

— Ты и сейчас роскошная.

— Вот за это дам тебе пирог.

Лена достала контейнер. Жанна сразу выпрямилась.

— Сыр?

— Тот, который отдельно дозревал. Я его вчера попробовала, вроде получился.

— Ты мне дай, а я разберусь.

Первый ломтик Жанна съела молча и взяла второй. Лена приготовилась объяснять, что это всего лишь проба, но подруга жевала с сосредоточенным видом. Пришлось дождаться, пока сама заговорит.

— К груше хорошо будет, — сказала Жанна. — Только не к нашей сиропной, там всё утонет. И в салат можно. Дай-ка ещё.

Повар заметил, что Жанна пробует сыр, и подошёл к столу. Она протянула ему ломтик. Он пожевал, спросил, чей сыр, а услышав, что Лена делает сама, посмотрел на неё внимательнее.

— Привозить сможете?

— Пока не знаю, — ответила она быстрее, чем успела обрадоваться. — Нам на производстве ещё надо добиться, чтобы он каждый раз таким получался.

— И правильно, — сказал он. — Нам надо, чтобы каждая партия была такой же.

Он ушёл, а Лена осталась сидеть с открытым контейнером. Слово «нам» оказалось удивительно приятным. Здесь кому-то действительно мог быть нужен её сыр.

Жанна придвинула к себе записную книжку.

— Когда сможешь сказать?

— Я же только через три недели выхожу.

— Я не завтра предлагаю кормить зал. У меня весеннее меню. Если получится, сделаем пробу. Маленькую.

Под салатом с грушей Жанна записала «сырная тарелка» и спросила, сколько головок они смогут привозить за раз. Дома одного контейнера хватало на троих. А здесь повар нарежет сыр для нескольких гостей — и всё, нужен новый. Лена подвинула контейнер Жанне, чтобы та сама прикинула, на сколько порций его хватит.

— Я спрошу Ирину Сергеевну, — сказала Лена. — И только после ответа договоримся.

— Отлично. Я тебе пришлю, что нужно. Ты мне не скидку по дружбе делай, а скажи честно, если не вывозите.

Лена собиралась ещё раз напомнить про пробу, но приехала сменщица, мокрая и расстроенная. Жанна забрала у неё сумку, велела пять минут посидеть в подсобке, а сама осталась в зале.

* * *

Дома Нина Петровна раскладывала на диване занавески. Часть она уже сложила, а одну занавеску держала перед собой, рассматривая ткань на свет.

— Откуда это? — спросила Лена.

— Ильинична отдала. Купила, ей не подошли.

— Мам, у нас же хорошие.

— На кухне хорошие. Я про другую комнату думаю.

Лена задержалась в дверях.

— Про нашу с Аней?

Нина Петровна опустила занавеску.

— Про комнату, которая когда-нибудь может освободиться.

— Мы ещё никуда не собираемся.

— Я и не тороплю. Ткань-то можно взять сейчас.

Лена приготовилась обещать, что не бросит маму. Будет приезжать, привозить Аню, оставит ключи. А Нина Петровна тем временем измеряла стену рулеткой: прикидывала, где в освободившейся комнате поставит кресло.

— Мам, я не хочу, чтобы ты оставалась здесь одна.

Нина Петровна аккуратно сложила ткань.

— А как ты хочешь?

— Не знаю. Может, если мы когда-нибудь… Дом большой, наверное, можно…

— Доченька, я к Дмитрию не собираюсь.

В дом, куда её ещё не позвали жить, Лена предлагала переселить и мать. Она покраснела, но объяснять своё предложение принялась ещё настойчивее. Нина Петровна выслушала и снова посмотрела на рулетку.

— Я просто думаю.

— И я думаю. Хочу нормальное кресло у окна. У меня колено вечером ноет, на этом диване неудобно. А там свет лучше.

Мама говорила спокойно и смотрела на неё с недоумением. Ей всего-то хотелось кресло у окна, а дочь почему-то возражала.

— Тебе будет скучно, — сказала Лена и тут же услышала, как это прозвучало.

— Будет иногда. И тебе будет иногда скучно. Ты же не поэтому с нами живёшь?

Аня вошла с кружкой.

— Если мне комнату перекрасят, я приеду и не узнаю.

— Я тебе фотографию пришлю, — пообещала бабушка.

— Только мои книги не убирайте.

— Книги сами заберёте. Если место понадобится, предупрежу.

Когда мать подняла ткань к окну, в стекле на миг отразились все трое. Нина Петровна прищурилась, проверяя, как ткань смотрится при дневном свете. Лена узнала это выражение лица: сама так разглядывала фотографии машины, которую пока не могла купить.

— А кресло какое? — спросила она.

Мать оживилась и достала телефон.

— Вот. Только ты сразу не говори «дорого». Я знаю.

Цену Лена всё-таки прочитала. Мама заметила, забрала телефон и переключила на другую фотографию: то же кресло, только в синем.

— Не смотри, сколько. Ты скажи, какое.

Аня выбрала синее. Нина Петровна — зелёное, к занавескам. Лена вдруг рассердилась на эти занавески, уже подобранные в её комнату, и промолчала. Мама ждала ответа, держа телефон перед собой, как когда-то Лена держала перед ней первое Анино фото.

Глава 5

Дмитрий приехал с продуктами и набором маленьких отвёрток.

— Это кому? — спросила Лена.

— Продукты тебе.

— А остальное?

— Мне сказали, у вас лампа не поворачивается.

Лена обернулась. Дочь сделала вид, что пришла за зарядкой.

— Ты написала Дмитрию?

— Он сам спросил, что нового.

В узкой прихожей Дмитрий снял ботинки и всё равно вынужден был повернуться боком, пропуская Аню; рядом с ним свободного места почти не оставалось. От синего свитера пахло улицей и знакомым древесным одеколоном, и Лена взяла у него пакет, иначе прижалась бы к нему раньше, чем успела вспомнить, на что сердится.

Нина Петровна поздоровалась и сразу отправила его мыть руки. Лена то и дело вспоминала, что у этого человека дома отдельный холодильник для вина. Маму это, похоже, нисколько не смущало: за стол с улицы не садятся, кто бы ты ни был.

За столом Дмитрий отвечал на вопросы о производстве. Мать спросила, будет ли Лене очень рано вставать. Аня интересовалась, можно ли забрать из цеха сыворотку, чтобы показать в школе.

— Сначала узнай, куда ты её там денешь, — сказала Лена.

— Я покажу.

— Всем тридцати человекам по очереди? И до какого урока носить будешь?

— Можем фотографию сделать. И небольшое видео. Если на производстве разрешат.

— Вот, — сказала Аня матери. — Люди предлагают варианты.

— Я не за этим приехал. Суда не будет.

Нина Петровна рассмеялась. За ужином стало легче, чем Лена ожидала. Они говорили о дороге, о соседях, которые решили менять дверь в восемь утра воскресенья, о Кирилле, действительно подписавшем согласие на экскурсию. Аня произнесла «мой отец» с некоторой новой важностью, и Дмитрий выслушал историю без комментария.

Аня держала фонарик, пока Дмитрий возился с лампой. Он попросил посветить пониже, задел тетрадь, и дочь тут же отложила фонарик, чтобы вернуть всё на место. Среди обрывков бумаги и засохшего клея у девочки был свой порядок, нарушать который она Дмитрию не разрешала.

— Это я сейчас делаю.

— Тогда подвинь немного, мне до крепления не добраться.

Лена наблюдала из дверей и уже собралась попросить дочь не мешать. Но Дмитрий с Аней обошлись без неё: лампа повернулась. Он отдал девочке отвёртку и предложил попробовать самой.

— Только не крути до упора.

— Я поняла.

— Тогда пользуйся.

* * *

Под качелями поблёскивала лужа. На всю детскую площадку горел один фонарь. До дома оставалось пять минут, но Лена свернула на второй круг, не спрашивая, куда он хочет пойти. Дмитрий заговорил о дочери, когда они снова поравнялись с площадкой.

— Варя спрашивала про тебя, — сказал он.

— Что именно?

— Не слишком ли обидела.

У ограды Лена остановилась. Значит, Варя всё-таки допускает, что обидела. Сама не спросила, зато отцу успела пожаловаться.

— И что ты ответил?

— Что спросить надо у тебя.

Лена отошла на несколько шагов и обернулась:

— А меня ты почему тогда остановил?

— Я услышал конец. Ты уже сердилась.

— Ну да. А она до этого была очень любезна.

Он догнал её у перехода.

— Лен, ей двадцать лет.

— Я заметила. Мне-то можно что угодно сказать, я большая.

На другой стороне перехода Дмитрий придержал её за рукав возле глубокой лужи. Лена выдернула руку, хотя не собиралась в неё ступать.

— Я не собираюсь выбирать, — сказал он.

— А тебя кто-то просил?

Он молчал. Из-под расстёгнутого пальто торчал ворот синего свитера. Обычно Лена поправила бы его, но сейчас сунула руки глубже в карманы. Он ведь помнил, что сказал ей на той кухне.

Возле магазина Дмитрий замедлил шаг.

— Жену звали Ксения. Мы познакомились ещё до переезда сюда. Варя родилась рано, мне едва двадцать было. Я тогда умел делать вид, что всё знаю. Особенно перед Ксюшей.

— Она верила?

— Нет. Это было главное неудобство.

Лена ждала продолжения. Улыбаться в ответ не получалось.

— Она рисовала. Не как Варя, другое. У неё даже список покупок был с картинками. Я всё говорил, что так невозможно разобрать. Сейчас бы разобрал.

Мимо пустого киоска они прошли медленнее. Дмитрий рассказывал, иногда возвращаясь к непонятной Лене подробности — к цвету шарфа, к пакету с мокрыми кроссовками в машине. Она слушала, не перебивая.

Паша родился, когда они с Ксенией прожили вместе много лет. Мальчик любил спрашивать, из чего сделана любая вещь, и разбирал игрушки раньше, чем отец успевал показать, как они работают. Однажды отвинтил все ручки у кухонных ящиков. Ксения складывала их в миску и смеялась, что теперь кухня стала безопаснее, никуда не доберёшься.

— А Варя?

— Сердилась, когда он трогал её рисунки. Потом сама давала бумагу. Ту, которую не жалко. Он замечал и возмущался.

Дмитрий остановился. Лена не потянула его дальше.

— Четыре года назад, — сказал он. — Мы ехали из дома в город. Варя осталась у подруги, они готовили какую-то работу. Я был за рулём.

Он говорил ровно, только её руку сжал так, что стало больно. Лена чуть пошевелила пальцами, и он сразу ослабил хватку.

— Прости.

— Ничего.

Она не спросила, кто виноват. Он сам сказал про машину, которая оказалась поперёк дороги, про секунды, в которые всё ещё кажется исправимым. О том, что было после, почти не говорил.

— Мне потом объяснили. Как положено, с расчётами. Куда я мог повернуть, куда не мог. Я даже поверил. Днём нормально веришь.

Обычно Дмитрий говорил уверенно, а сейчас то замолкал, то возвращался к уже сказанному. В окнах напротив горел свет; за одним из них стоял человек с сигаретой. Лена смотрела на этот огонёк и слушала, не перебивая.

— Варя узнала от моей сестры, — продолжил он. — Я тогда не мог. Она потом долго ко мне не подходила. Я думал, сердится. А она боялась сделать больно, у меня рука была сломана. Представляешь, шестнадцать лет человеку, а она всё обдумывает, как меня обнять.

Лена прислонилась щекой к его плечу. Ткань пальто остыла на ветру. Лена прижалась ближе, уткнулась носом в мягкий ворот свитера.

— Дим, мне очень жаль.

Пришлось потесниться перед прохожей с собакой, которая подтягивала поводок и извинялась. Лена подождала, пока они пройдут, не зная, что сказать Дмитрию.

— Я смотрю на Варю и иногда сначала вижу Ксюшу, — сказал Дмитрий. — Понимаю, что глупость. Просто на секунду. Поворот головы, волосы. И стою как дурак.

— Она знает?

— Я не говорил.

Лена отодвинулась от его плеча. Про Ксению она слушала со странной ревностью, от которой не могла избавиться даже теперь. Ей помнилась фотография, показанная Варей, и хотелось спросить, зачем та вообще принесла её на кухню.

— Замёрзла? — спросил Дмитрий.

— Немного.

— Пойдём обратно.

У магазина он задержался, хотя входить не собирался.

— Есть дом ещё. За городом. Я редко туда кого-нибудь вожу.

— Меня позовёшь?

— Да. На выходные можно.

Аня спросила в сообщении, скоро ли они вернутся, и пришлось свернуть к дому, так и не договорившись про выходные.

* * *

У подъезда она взяла его за руку. Пальцы оказались ледяными, хотя её собственные успели согреться в карманах. Почти час прогуляли. На предложение подняться Дмитрий ответил, что обещал Варе посмотреть эскизы.

Лена спросила, теперь им каждый раз придётся подстраиваться под Варю? Дмитрий напомнил, что дочь приехала всего на шесть недель. Будто после её отъезда все вопросы решатся сами собой. Лена отложила спор и попыталась договориться хотя бы о ближайшей встрече.

— Тогда в воскресенье? — спросила она.

— У Вари мастерская, у меня встреча. Во вторник сможешь?

Лена подумала о мамином календаре, Анином занятии, своём рабочем дне.

— Постараюсь. Мне только надо заранее с мамой договориться.

Он поцеловал её так, что Лена забыла, о чём хотела ещё спросить. Ветер забирался под расстёгнутое пальто. Она прижалась теснее, не оглядываясь на подъезд, хотя там хлопнула дверь и кто-то прошёл совсем рядом.

Глава 6

Ящик с бельём оставался открытым, а такси пора было вызывать. В третий раз примерив неудобный комплект и поправив бретельку, Лена положила его обратно. Лучше бы вспомнила про него вчера, когда могла спокойно сходить в магазин.

Надев привычное бельё и платье, она уложила в сумку рабочую блузку на завтра. Папка с пояснениями по текущим делам не помещалась рядом с косметичкой. Пришлось вынуть часть бумаг и переложить их в тонкий пакет, которым на работе обычно накрывали обед.

Нина Петровна заглянула в комнату.

— Утром прямо на работу?

— Да.

— Пакет возьми, блузка помнётся.

Лена приготовилась услышать ещё что-нибудь про внешний вид, но мать принесла тонкую вешалку с чехлом.

— Вот. Мне от костюма остался.

— Спасибо, мам.

— И не звони утром проверять, поела ли Аня. Она поела, даже если ты ещё не спросила.

Из Аниной комнаты доносился голос Полинки, а дочь то и дело кричала ей: «Не так!» Лена постояла у двери и вернулась за сумкой.

— Я к восьми завтра напишу.

— Напиши, если захочешь, — сказала Нина Петровна и ушла.

В машине Лена достала зеркальце, проверила тушь и ещё раз посмотрела на себя. После стрижки лицо казалось совсем открытым. Привычно заправить прядь за ухо уже не получалось — нечего заправлять. И опустить волосы на щёки, если смутится, тоже не выйдет.

Дмитрий встретил её внизу. Без пальто, в тёмной рубашке с закатанными рукавами.

— Ты замёрзнешь, — сказала Лена.

— Тогда надо быстрее.

Он забрал чехол и сумку, но в лифте поставил их на пол, чтобы поцеловать её. Лена обхватила его за шею. Когда двери открылись, он ещё держал её, и ей самой пришлось отстраниться.

— Соседи, — предупредила она.

— Пока не вижу.

— Они тебя увидят.

— Я здесь живу, привыкли.

В квартире было тихо. В прихожей не стоял Варин чемодан.

— Варя сегодня ночует у знакомой, — сказал Дмитрий. — Они после мастерской вместе работают. Я спросил заранее, чтобы не получилось как в субботу.

Дмитрий повесил чехол в шкаф и придержал дверцу возле зеркала. Лена подошла вплотную, мешая ему закрыть её:

— Я очень хотела к тебе.

Он отложил её вещи.

— Хорошо, что сказала.

— А то бы не догадался?

— Я бы надеялся.

Спиной Лена коснулась холодной стены и вздрогнула, не прерывая поцелуя. Он нащупал её талию сквозь ткань, задержал ладонь там, а она потянулась за новым поцелуем, едва он отстранился.

Из кухни донёсся писк.

Дмитрий замер.

— Нет, — сказала Лена.

— Это духовка.

— Я поняла.

— Там ужин.

— Дима, если у нас опять что-нибудь сгорит, я решу, что это система.

Он рассмеялся и отступил. Лена разулась, повесила пальто и пошла за ним, чувствуя на губах его улыбку.

Он запёк рыбу с овощами. Один ломтик прилип к противню, и Дмитрий, ворча, отдирал его ножом. Лена нарезала хлеб, сама нашла в холодильнике лимон. Спина всё ещё мёрзла после холодной стены, и Лена придвинулась к тёплой духовке.

— Завтра рано? — спросил он.

— Мне к девяти. Ехать отсюда удобнее, чем из дома.

— Могу отвезти.

— Если по пути. Не надо делать круг.

— Посмотрим утром.

За столом Лена рассказала про женщину с красной папкой. Без подробностей дела, только про её уверенность, что, если задать один вопрос ещё пять раз, закон наконец ответит по-другому. Дмитрий вспомнил своего поставщика: тот присылал одну и ту же цену и всякий раз добавлял в письмо восклицательные знаки.

— Я сегодня написал: без восклицательных куплю больше, — сказал он.

— И что?

— Прислал смайлик.

За столом она рассказывала о глупом утре, нелепом разговоре, чьей-то запомнившейся оговорке — обо всём, чем обычно делилась с мамой или Жанной. Дмитрий добавлял свои истории, а иногда так долго слушал молча, что ей хотелось самой оборвать рассказ, прежде чем он решит, что зря устроил красивый вечер.

Она встала убрать тарелки. Он поймал её за руку.

— Потом.

— Там рыба засохнет.

— Пусть.

— Ты сейчас очень рискованно говоришь.

— Рыба подождёт.

Он усадил её к себе на колени. Лена сперва опиралась на стол, боясь, что ему тяжело, но Дмитрий притянул её ближе.

— Не держись так.

— Как?

— Будто сейчас убежать надо.

Дмитрий поддержал её за спину. Лена наконец отпустила край стола, встала и потянула его за собой, подальше от тарелок. Слов, сказанных ей на ухо, она не разобрала и переспрашивать не стала.

Его щетина царапнула щёку. Лена повернула голову, подставляя шею, и прикрыла глаза, пока он медленно целовал её под ухом. В тишине было слышно, как она дышит, и отчего-то именно это заставило её крепче держаться за его плечи.

— Что? — спросил он, заметив улыбку.

— Ничего. Просто я взрослая приличная женщина.

— У меня есть сомнения.

— Хорошо.

Верхняя пуговица расстегнулась легко, со следующей пришлось повозиться; всё это время Дмитрий терпел, пока она наконец не добралась губами до тёплого углубления у шеи. Там под кожей бился пульс, и от того, как он перестал улыбаться и прикрыл глаза, Лене захотелось задержаться.

В дверях спальни браслет зацепился за расстёгнутую манжету. Дмитрий пытался высвободить ткань, застёжка уходила в петлю всё глубже. Лена попросила снять браслет целиком. Пока он возился с замком, ей пришлось обнять его другой рукой, чтобы не тянуть сцепленные вещи в разные стороны.

Без платья стало неловко: на животе обнаружился след от резинки колготок. Лена машинально прикрыла его ладонью, потом взялась за пуговицы на Дмитриевой рубашке. Одной стоять в белье было обидно.

— Не торопись, — сказал он.

— Я не тороплюсь. Она у тебя намертво.

Под снятой рубашкой белел неровный шрам. Обняв Дмитрия за пояс, Лена прижалась губами к его плечу и почувствовала, как медленно он расслабляется. Утром она представляла себе этот вечер совсем иначе, без застрявшей пуговицы и колготок, через которые пришлось переступать.

Дмитрий выключил верхний свет, оставив гореть только светильник у кровати. Полная темнота только добавила бы неловкости, а так Лена видела его лицо и успела потребовать половину подушки, прежде чем придвинуться ближе.

Поначалу Лена думала только о том, куда деть локоть, как повернуться, чтобы ему было удобно и собственный живот казался поменьше. Она снова отодвинулась, и Дмитрий позвал её обратно — почти сердито. Лена прижалась к нему. Под ладонью он вздрогнул, она провела пальцами по тому же месту ещё раз и забыла, как сама сейчас выглядит.

Он приподнялся на руке и неожиданно переменился в лице. Лена замерла.

— Дим?

— Рука. Подожди.

Он перевернулся, раздражённо вытянул руку вдоль тела. Лена подложила ему вторую подушку. Несколько секунд они лежали рядом, ни к чему не прикасаясь. Она уже испугалась, что сделала ему больно, но Дмитрий потянул за край простыни, под которой она успела спрятаться.

— Иди ко мне.

— Ты скажи, если так нельзя.

— Так можно.

Теперь она устроилась так, чтобы видеть его лицо — открытое, нетерпеливое, совсем не то, с которым он обычно слушал её за столом. Она попыталась поправить волосы, но Дмитрий снова её поцеловал. Лена попросила не торопиться, а когда он не расслышал, удержала его за плечо и повторила. Потом уже не хотелось ни за чем следить.

Когда понадобилось одеяло, оказалось, что Дмитрий лежит на нём. Пока вытягивали, Лена окончательно замёрзла и пристроила ступни к его икрам. Он дёрнулся и выругался сквозь зубы, но ноги она всё-таки не убрала.

Браслет она вспомнила значительно позже. Сказала, что опять чуть не ушла бы без него, и только тогда поняла, что никуда ещё не собирается.

Через некоторое время Дмитрий спросил про машину.

— Ты ещё хочешь свою?

— Конечно.

— Я думал, пока могу тебя возить.

— Иногда можешь. Но я же не только к тебе собираюсь ездить.

— Жаль.

— Возьму тебя покататься, если будешь хорошо себя вести.

— Я умею.

— Вот в этом как раз и сомневаюсь.

Он притянул её обратно. Смех помешал первому поцелую, со вторым всё получилось.

Среди ночи захотелось пить. На кухне горел свет, и Лена пошла туда, натягивая на ходу его рубашку. Дмитрий отмывал противень, который они после ужина оставили возле раковины.

Она остановилась в дверях, закутавшись в его рубашку.

— Всё-таки рыба победила?

Услышав её, он обернулся и улыбнулся. Лена подошла к нему, обняла сзади, прижавшись щекой к спине.

— Холодно? — спросил он.

— Уже нет.

Дмитрий закрыл воду и повернулся к ней, скользнув ладонями под рубашку. Лена прислонилась к столу и сказала, не успев подумать, как это прозвучит:

— Я бы хотела иногда вот так. Просто вставать ночью и знать, что ты рядом.

Он предложил четверг и спросил, забрать ли её после работы. Лена согласилась. Про Аню и мамин вечер надо будет узнать утром, а сейчас она стояла босиком в его рубашке и слушала, как он перечисляет, в какие ещё дни они могли бы остаться вдвоём.

Глава 7

— Нет, меняйте. Сегодня, — сказал Дмитрий кому-то по телефону.

Половина седьмого. Лена разглядела на стуле свою блузку в прозрачном чехле и снова прикрыла глаза. Её будильник должен был прозвенеть через сорок минут.

Дмитрий прошёл мимо двери в брюках, с рубашкой в руке. Заметив, что она проснулась, поднял палец, обещая сейчас закончить.

После короткой ночи вставать было удивительно легко. На соседней подушке осталась вмятина от его головы. Лена придвинулась к ней и полежала ещё немного, пока за дверью обсуждали перепутанную поставку.

На кухне пахло кофе. Дмитрий прижимал телефон плечом к уху и наполнял дорожную кружку.

— Я же сказал: не принимать. Если водитель уже уехал, пусть возвращается.

Увидев Лену, он достал вторую чашку и банку кофе. Пока она наливала воду, положил перед ней хлеб, а сыр Лена взяла из холодильника сама.

— Прости, — сказал, отключившись. — С утра поставка не та. Надо ехать.

— Сейчас?

— Да. Они через полчаса начнут разгружать.

Вчера они шутили, как хорошо утром никуда не бежать. Теперь Дмитрий торопился на работу, а Лена стояла рядом в его рубашке и ждала, когда он наконец подойдёт к ней. Она всё ждала, что он отложит телефон и они сядут завтракать вместе.

— Кофе сделаешь? — спросила она.

— Ты же уже налила.

В её чашке плавали крупинки растворимого. Она не знала, как включить его машину, и решила обойтись тем, что нашла. Объяснять теперь было глупо.

— Да. Всё нормально.

— Побудь сколько хочешь. Захлопнешь дверь.

— Мне тоже на работу.

— Конечно. Я помню.

В прихожей он проверял карманы и искал ключи, так и не предложив подвезти, хотя со вчерашнего вечера Лена рассчитывала ехать с ним. Он уезжал раньше, чем собирался, а ей теперь надо было самой добираться до соцзащиты.

В дверях он обернулся.

— Сегодня вечером свободен буду.

— У меня Аня.

— Можно вместе.

— У нас с ней свои планы.

Он чуть нахмурился.

— Хорошо. Позвоню позже.

Свою чашку Лена так и оставила недопитой. Вода оказалась едва тёплой, растворимый кофе — дрянью, и от этого обида только росла, хотя виноватыми в таком утре никак не могли быть ни вода, ни кофе.

Одеваясь, Лена заметила на стуле выпавший волос и сняла его с обивки. Потянулась и за крошками на столе, но оставила их. Вчера Дмитрий никуда не спешил, держал её, пока закипал чайник, а теперь она прибирает после себя и боится забыть косметичку.

В лифте Лена заметила, что надела только одну серьгу. Вторую нашла в косметичке и уже на улице пыталась застегнуть, глядя на своё отражение в стекле машины. Едва не уронила, рассердилась и пошла к остановке, так и не закрепив застёжку.

* * *

В кабинете её ждала новая сотрудница — Евгения Олеговна, в тёплом жилете поверх блузки. Она принесла блокнот с наклейкой «План Б» и сразу попросила показать программу.

— Сначала чай? — предложила Лена.

— Лучше программу. С чаем я могу увлечься.

Через час Евгения освоилась с повторными запросами, быстро находила нужную папку и уточняла только непонятное. Придраться было не к чему, кроме «приложечек», которые та упорно искала в конце каждого дела, и это слово раздражало Лену всё сильнее.

Евгения открыла дело с двумя повторными запросами и спросила, что делать, если ответа опять не будет. Лена нашла номер, которого не было в общей справочной, и объяснила, кому звонить. Только после двух, когда у сотрудника закончится приём.

— Вы всё это помните? — удивилась Евгения.

Лена собиралась ответить, что привыкла. Но, глядя, как Евгения старательно записывает номер, Лена поняла, сколько всего так и не объяснила. Сама-то делала по привычке. В соседнем деле обнаружилась другая такая же мелочь — две разные суммы под одной датой.

В обед Дмитрий прислал фотографию разгруженного склада. «Победили», — написал.

Лена ответила: «Поздравляю». Прочитала своё сообщение и увидела, насколько оно сухое. Исправлять не стала.

Он позвонил через минуту.

— Обиделась?

— Я на работе.

— Лен.

Она вышла к окну в коридоре.

— Мне утром было неприятно. Всё.

— Я не мог остаться.

В коридорном окне отражалась вполне собранная женщина в рабочей блузке, с аккуратно уложенными волосами. Час назад она уговорила посетителя не писать жалобу сразу в четыре места, а теперь не могла объяснить мужчине, что утром ей хотелось побыть с ним. И злилась оттого, что об этом вообще нужно просить.

— Я вечером заеду? — спросил он.

— Мы с Аней идём выбирать ей материалы. Я обещала ещё в воскресенье.

— Могу отвезти.

Лена представила, как они вместо неторопливого вечера вдвоём с дочерью втроём быстро покупают всё, что нужно, и потом проводят остаток времени так, как удобнее Дмитрию.

— Нет. Мы сами. Давай завтра, как договорились.

— Завтра, — повторил он после паузы, уже без предложения заехать сегодня.

Евгения отодвинула папку, освобождая ей место за столом. Лена села за стол с облегчением: о делах сейчас было говорить проще, чем о себе.

— Тут, кажется, один лист не из этого дела.

* * *

Аня перебирала пачки бумаги: у одной мятый край, у другой слишком гладкая поверхность. Продавец отошёл к другим покупателям. Лена сравнила два листа на ощупь и снова не поняла разницы.

— Эта слишком гладкая.

После второй попытки взять первую попавшуюся пачку Аня попросила не мешать. Лена уступила ей место у полки. Обещая вечер вдвоём, она не думала, что придётся так долго выбирать бумагу, а дочь торопиться не собиралась и на её вздохи не оборачивалась.

— Ты же раньше любую брала.

— Раньше я не понимала.

— Теперь понимаю.

— Мам, я про себя.

Они рассмеялись. Аня выбрала пачку дешевле той, что понравилась сначала, потому что к ней полагалась картонная подложка. На сэкономленные деньги попросила большой карандаш.

В кафе у выхода они взяли кусок пирога на двоих. Дочь рассказывала, как на экскурсии трясло автобус и как мальчик, называвший поездки переоценёнными, заснул до выезда из Москвы. Учительница дважды пересчитывала детей, потому что один всё время уходил фотографировать дверь.

Лена смеялась, стараясь не уронить кусок пирога с вилки. В сумке завибрировал телефон, но заметила это только Аня.

— Это Дима? — спросила Аня.

— Может быть.

— А почему не отвечаешь?

— Потому что я сейчас с тобой.

Дочь подумала.

— Можно ответить. Только ненадолго.

Лена всё-таки проверила. Дмитрий спрашивал, какую бумагу выбрали. Следом прислал: «Разобрался с кофе. Надо было показать кнопку».

Она представила, как он в одиночестве обследует собственную кофемашину, и фыркнула.

Лена отправила «Надо было», стала писать дальше и стёрла. Кнопку-то он покажет, теперь она и сама справится. А вот как объяснить, чего ждала от него с утра, посреди кафе не придумала.

— Он смешное написал? — спросила Аня.

— Не очень.

— Тогда чего улыбаешься?

— Вот вырастешь, узнаешь, сколько мы улыбаемся несмешному.

— Я уже знаю. Когда Полинка рассказывает про своего хомяка.

На обратной дороге Аня несла пакет сама и всё время задевала им Лену по колену. У подъезда выяснилось, что большой карандаш остался в кафе. Возвращаться не было сил. Лена пообещала позвонить туда завтра, и дочь до самой двери молчала.

Ватман дома не помещался на столе, поэтому лист опять прикладывали на полу. В сумке звонил телефон, но отпускать край ватмана пока было нельзя: клей ещё не схватился.

— Подожди, — сказала дочь. — Сейчас приклеим, и можешь смотреть.

Глава 8

До автобуса оставалось двенадцать минут, а пальцы окоченели так, что пришлось сунуть руки под мышки. В первый рабочий понедельник Лена приехала слишком рано и теперь не решалась отойти от остановки, хотя в нескольких шагах светились окна круглосуточного магазина.

В служебный автобус Лена села последней. Поздоровавшись, нашла свободное место возле женщины с большим термосом. Та подвинула сумку и спросила, новенькая ли она.

— Да.

— Тогда выходите с нами. А то водители иногда думают, что все всё знают.

Мама успела написать, что Аня встала, а Дмитрий спрашивал, доехала ли она до остановки. Лена отвечала обоим в автобусе, с трудом попадая холодными пальцами по буквам. Завтра можно выйти позже, дорогу она запомнила.

Из соцзащиты она ушла в пятницу. Светлана Викторовна принесла пирог, Евгения подарила ей блокнот — без надписи про план Б — и ещё раз уточнила, кого искать после двух. Лена обещала отвечать, если совсем застрянут, и поймала предостерегающий взгляд бывшей начальницы.

— Не надо на две работы устраиваться, — сказала Татьяна Сергеевна. — Здесь мы разберёмся.

Теперь эти слова пригодились. Лена выключила уведомления старого рабочего чата.

В раздевалке её ждали комплект одежды, шапочка и обувь. На листке возле шкафчика были имя и фамилия. Елена Куликова. Лена провела пальцем по своей фамилии. Ещё непривычно было видеть её здесь, в раздевалке сыроварни.

Ирина Сергеевна встретила её у входа.

— Доброе утро. Как дорога?

— Ещё не привыкла так ездить.

— Привыкнете. Кольцо снимите, браслет тоже. Шкаф закрывается, не потеряете.

Украшения она заперла в шкафчике, короткие пряди подколола по одной, убирая под шапочку. Ирина Сергеевна ждала у двери. Лена задержалась у зеркала, пытаясь спрятать последний выбившийся волос, и попросила ещё минуту.

В рабочей комнате стояли весы, небольшие приборы, контейнеры с наклейками. На стене висел график, исписанный разными ручками. Лена поставила сумку на указанную ей полку и достала тетрадь.

Ирина Сергеевна показала, где хранить записи, у кого брать расходные материалы и с кем согласовывать время проб. Затем подвела к столу, на котором лежали три головки сыра.

— Ваши, — сказала она.

Они должны были стать её сыром. Один образец выглядел знакомо, с чуть неровной поверхностью и светлым срезом. Второй был выше и суше по краю. Третий под ножом ломался там, где Лена ждала ровный ломтик.

Она попробовала первый, затем второй. Вкус отличался меньше, чем ощущение во рту. Тот, что она привезла на выставку и потом переделывала с Ириной Сергеевной, был нежнее. Здесь хотелось запить.

— Это один рецепт? — спросила Лена.

— Записи те же. Объём другой.

Она успела рассказать Жанне о новой работе, маме — о своих задачах и теперь не знала, с чего начать. Почему-то казалось, что на правильном оборудовании и с профессионалами всё должно стать легче. Ирина Сергеевна ждала, пока она ещё раз попробует второй образец.

Ирина Сергеевна заметила, как она расстроилась.

— Давайте без похорон. Ещё и недели не начали.

— Я думала, мы хотя бы узнаем его.

— Узнаем. Только сначала поймём, что делали на самом деле.

В производственных журналах записи были привязаны к часам, а в её тетради между точными цифрами попадалось «потом ещё немного». На ферме это означало вполне определённое ожидание: пока Андрей принесёт формы, пока пройдёт трактор за окном, пока удастся поставить чайник. Перевести эти промежутки в минуты теперь было некому, кроме неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.